

Н. И. САЗОНОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. Е. Застенкера

Фигура Николая Ивановича *Сазонова* (1815—1862) неоднократно привлекала внимание историков социализма и русской общественной мысли, в особенности же исследователей жизни и деятельности Герцена, Огарева и участников их университетского кружка. Нет нужды излагать здесь биографию Сазонова: читатель может найти основные данные этой биографии в очерке, опубликованном Б. П. Козьминным («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 178—252). Там же можно ознакомиться с некоторыми из его литературных произведений и писем.

Публикуемые ниже десять писем Сазонова, хранящиеся в «пражской коллекции», вносят в наши представления о нем некоторые поправки, усложняют его идейный облик. Новые письма Сазонова к Герцену относятся к разным годам, а некоторые даже — к разным десятилетиям. Ценность этих материалов значительна: публикуемые письма раскрывают новые существенные факты из истории взаимоотношений Сазонова с Герценом в разные периоды их знакомства, характеризуют идейную и политическую эволюцию Сазонова в пятидесятые годы и разъясняют направление его публицистической деятельности к концу жизни. Наконец, специальный интерес публикуемых писем состоит в том, что они проливают свет на историю отношений Герцена к газете Прудона «*La Voix du Peuple*».

Уж первое из публикуемых писем заслуживает большого внимания. Оно свидетельствует о том, что дружеские связи Сазонова с Герценом во время вятской ссылки Герцена были еще прочны; дает оно представление и о тех идеях, с какими вернулся Сазонов в Россию после своей первой заграничной поездки в 1835—1836 гг., вызванной разгромом их университетского кружка. Сазонов посылал Герцену слова утешения и брал под свою защиту их общую студенческую юность с присущими юности «порывами вдохновения». Но в то же время он решительно осуждал вольнолюбивые порывы прошедшей юности. «...Мы было испортили жизнь свою...», — пишет он. Эти слова — злобный признак: они знаменуют начало того пути, который впоследствии слишком часто приводил Сазонова к выводу, сформулированному в том же письме: «...Вчерашняя страсть смешна и жалка для нас сегодня» (см. письмо к Герцену от 11 октября 1836 г.).

Интереснейшую часть публикуемой переписки представляют собою пять писем Сазонова к Герцену, посвященных, в основном, просьбе оказать материальную помощь Прудону для издания газеты «*La Voix du Peuple*». Прудон затеял эту газету взамен закрытой реакционными властями после событий 13 июня 1849 г. газеты «*Le Peuple*».

Письма Сазонова дают возможность яснее представить себе этот эпизод, до сих пор известный лишь в общих чертах и не всегда правильно толкуемый. Посредниками в переговорах между Прудоном и Герценом были Хоецкий (Шарль Эдмон) и Сазонов, причем Прудон и его помощники, а позднее с их слов и его биографы, приписывали главную роль в переговорах Хоецкому, входившему тогда в круг ближайших сотрудников Прудона (см., например, A. D a r i m o n. *A travers une révolution*. P., 1884, p. 180). Отправным документом для характеристики этих переговоров считалось до сих пор письмо Хоецкого к Герцену с припиской самого Прудона; Прудон здесь излагал вкратце свой замысел. К сожалению, ни текст, ни дата письма Хоецкого не известны; Лемке была опубликована только одна приписка Прудона (V, 293). Касаясь этой истории в «Былом и думах», Герцен упомянул фамилии обоих посредников, указав вместе с тем, что залог предложил ему внести не Хоецкий, а Сазонов (XIII, 453). Письма Герцена

из Женевы от конца июня — начала июля 1849 г., адресованные жене, тоже содержали намеки на более активную роль Сазонова. Но до сих пор эти намеки не поддавались расшифровке. Публикуемые теперь письма Сазонова дают возможность гораздо полное представить себе истинную роль Сазонова в этих переговорах.

Если инициатива обращения к Герцену и исходила от Хоецкого и непосредственную связь с Прудоном осуществлял он, то главным посредником, наиболее настойчиво уговаривавшим Герцена согласиться, был именно Сазонов: он писал Герцену о задуманной Прудоном газете почти что ежедневно. Такая настойчивость объяснялась, прежде всего, тем, что согласился Герцен на просьбу Прудона вовсе не сразу. У него, несомненно, возникали возражения, которые и стремился устранить своими доводами Сазонов. Судя по ответным письмам Сазонова (письма Герцена до нас не дошли), Герцен, возражая, ссылался на проект издания в Женеве демократической газеты, в которой он должен был принять самое активное участие. Герцена связывало согласие, которое он уже дал Джемсу Фази. Оттого-то Сазонов так усердно пытался доказать Герцену, что перспективы газеты в Женеве не идут ни в какое сравнение с перспективами, открывающимися перед газетой Прудона в Париже. И все же, как это явствует из письма Сазонова от 22 июля 1849 г., колебания Герцена продолжались еще и в конце июля. Прекратили их, конечно, не столько соображения, высказанные Сазоновым, сколько полное разочарование в демократической эмиграции, которое охватило Герцена после первого же месяца его жизни в Женеве — в этом «Кобленце революции 1848 г.». Это разочарование сделало еще более напряженной духовную драму, переживавшуюся им, драму «краха буржуазных иллюзий в социализме», по определению Ленина (Соч., т. 18, стр. 10). Оно же заставило Герцена окончательно отвергнуть проект женевской газеты и согласиться на предложение Прудона, чья острая критика буржуазной демократии заслоняла от Герцена крохоборческую сущность проповедуемого Прудоном «социализма» и мешала ему тогда распознать разницу между антиреволюционными реформаторством Прудона и собственным революционным мирозерцанием.

Но настойчивость Сазонова имела и другую причину. Выступая перед Герценом в роли ходатая за новую газету Прудона, Сазонов доказывал, что руководствуется одними только идейными соображениями. Между тем в действительности он видел в новой газете поприще для собственной деятельности, тем более что сильно нуждался в работе и намерен был сотрудничать в новой газете и сам.

Решение Сазонова принять участие в «La Voix du Peuple» явилось для Герцена полной неожиданностью. После июньских событий 1849 г. Сазонов, который вместе с Герценом принимал участие в парижской демонстрации 13 июня и был на виду как активный деятель демократического лагеря иностранной эмиграции в Париже, повидимому, тоже ожидал ареста. Перед отъездом Герцена из Парижа в Женеву они условились, что Сазонов немедленно отправится туда же, для чего Герцен добудет ему паспорт и перешлет его в Париж.

Приехав в Женеву, Герцен выполнил свое обещание и послал Сазонову паспорт, добытый у Фази. 29 июня 1849 г. он писал жене: «...Саз(онова) еще не видал» (V, 276), — следовательно, он был уверен, что Сазонов либо уже приехал, либо мог с минуты на минуту появиться в Женеве. Через два дня, в письме от 1 июля, Герцен писал жене, что «Сазонов и не думает ехать, это большая неделикатность относительно Джемса (Фази), ибо такие вещи не легки» (там же, 277). В письме, которое мы предположительно датируем 3 июля, Сазонов уже благодарит Фази за «пасс». Зная, что Герцен скептически относится к его «порханиям» от одного проекта к следующему, Сазонов мог не сомневаться, что новый проект создать «журнал, лучший в мире», вызовет сомнения и недоверие Герцена. Он не ошибся. Получив первое же послание Сазонова, касающееся этого вопроса, Герцен писал жене в том же письме от 1 июля, что Сазонов «снова затевает разные журналы», а в письме от 5 июля иронически и горько заметил: «...все ломится. Один Саз(онов) в надеждах по горло» (V, 277, 279). Чтобы преодолеть скептицизм Герцена, Сазонов проявил особую настойчивость. В пользу проекта он расположил уезжавшего в Женеву Гервега, который, как писал Сазонов Герцену, должен был все «сообщить изустно». Возможно, что Сазонов и сам отправился в Швейцарию для переговоров с Герценом по поводу «La Voix du Peuple». В письме

от 3 июля он сообщил Герцену, что собирается в Берн на свидание с Хоткевичем, а оттуда заглянет в Женеву, «где увидимся и, вероятно, объяснимся лучше, нежели за глаза». Если считать эту поездку состоявшейся, делается понятным смысл одной пригласительной записки, которую Герцен послал Гервегу в июле 1849 г. Текст записки таков: «Сазонов писал вам, дорогой Г., в 4 часа, приглашая вас придти в Английское кафе пообедать с г. Фази. Так вот, приходите по крайней мере после обеда. Мы вас ждем» («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 67). Этой предполагаемой поездкой можно объяснить и перерыв в письмах Сазонова к Герцену, наступивший между 3 и 22 июля 1849 г.

В переговорах Прудона и его посредников с Герценом обсуждалась также возможность получить необходимый залог от других лиц, в частности от Эмиля Жирардена. В письмах Сазонова к Герцену о такой возможности упоминалось часто: это был один из самых веских доводов, приводимых, чтобы добиться от Герцена быстрее соглашения. В письме от 4 июля 1849 г. Сазонов сформулировал и принципиальную сторону такой перспективы. Если залог будет дан Жирарденом, писал он Герцену, то «для Прудона все равно, но для нас это не совсем все равно, потому что вместо: „Глас народа, журнал республики универсальной, социальной и демократической“, — будет выходить: „Глас народа, журнал республики буржуазной и социальной“». Сазонов прибавлял тут же, что Жирарден настаивает на своем предложении, и «Прудон останавливается только вследствие обещаний, которые мы ему сделали».

Как известно, впоследствии Герцен в «Былом и думах» писал: «Э. Жирарден был непрочь их дать (двадцать четыре тысячи франков залога. — Н. З.), но Прудону не хотелось быть в зависимости от него, и Сазонов предложил мне внести залог» (XIII, 447) — вот с какой отчетливостью запомнил Герцен сведения о намерениях Жирардена, сообщенные ему Сазоновым.

Но действительно ли Жирарден был готов предоставить Прудону сумму, необходимую для залога? Выяснение этого вопроса приводит к неожиданным результатам.

Эмиль де Жирарден (1806—1881), издатель и редактор распространеннейшей газеты «La Presse», которая была рупором определенных кругов крупной буржуазии, промышленников, спекулянтов и банкиров, время от времени выступал с рекламными проектами «реформ», рассчитанными на завоевание популярности среди средней и мелкой буржуазии и крестьян.

После февральской революции 1848 г. Жирарден вел в своей газете яростную и по сути дела реакционную кампанию против буржуазных республиканцев; после июньских дней он вел яростную и столь же реакционную кампанию против Кавеньяка и активно поддерживал кандидатуру Луи-Наполеона в президенты, надеясь получить министерский пост. Однако, когда надежды эти не сбылись, Жирарден перешел в оппозицию к президенту и к «партии порядка» и примкнул к демократическому блоку Горы, всячески, впрочем, противодействуя революционным тенденциям низов этого блока. В 1849—1850 гг. Жирарден опубликовал сенсационные проекты социальных реформ: «отмены налогов», «упрощения правительства» и даже «отмены государства», заменяемого «страховым обществом граждан». Эти демагогические проекты Жирардена были, как отмечал тогда же Маркс, образчиками самого шарлатанского «буржуазного социализма» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 306—317). Неудивительно, что эти «проекты» Жирардена заслужили сочувствие Прудона, чьи утопические идеи, в свою очередь, представляли собой своеобразную разновидность буржуазного социализма. Поэтому заигрывания «отца анархии» с влиятельным редактором «La Presse» нельзя объяснить одним только свойственным Прудону беспринципным «макиавелизмом». Между ними существовала известная идейная близость. В своих письмах и статьях Прудон неоднократно подчеркивал, что проекты Жирардена близки к его собственным идеям «ликвидации государства», предлагал Жирардену сотрудничество и взаимную поддержку и добивался со стороны «La Presse» помощи своим начинаниям. Обращение Прудона к Жирардену с просьбой ссудить ему деньги, необходимые для издания новой газеты, было поэтому делом вполне естественным. 22 июня 1849 г. Прудон написал Жирардену письмо, в котором именовал редактора «La Presse» не только «собратом», но и «почти единоверцем» («Correspondance

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

de P.-J. Proudhon», t. III, P., 1875, p. 7) и просил его внести залог за газету. Однако в течение двух недель Жиарден хранил молчание, не предвещавшее Прудону ничего хорошего. Новое письмо Прудона к Жиардену от 2 июля 1849 г., выдержанное в столь же подобострастно-заигрывающем тоне, подтверждает, что молчание Жиардена вызывало в нем тревогу (там же, p. 12). Косвенный, но, тем не менее, совершенно ясный ответ Жиардена вскоре пришел в виде трех резко враждебных Прудону статей, опубликованных подряд 9, 10 и 11 июля 1849 г. Статьи «La Presse» «разоблачали» Прудона как реакционера и врага республики, искавшего поддержки и у Луи-Наполеона и у легитимистского претендента, графа Шамбора. Таким образом, заверения, которые делал Сазонов Герцену о том, что Прудон якобы имеет возможность получить необходимый для издания новой газеты залог у Жиардена, были явным преувеличением, а версия, гласящая, будто «Жиарден настаивает», «а Прудон останавливается» из-за обещаний Хоецкого и Сазонова найти для газеты «кафецию» у Герцена, просто не соответствовала действительности. То объяснение этой запутанной истории, какое содержится в поверхностной и во многом донельзя ошибочной монографии Лабри об отношениях между Герценом и Прудон, не может разрешить возникающих недоуменных вопросов. Лабри полагает, что Прудон стал думать о возможности достать у Герцена залог для «La Voix du Peuple» лишь после того, как убедился в «глухоте» Жиардена к его просьбе. «Тогда-то и подали ему мысль о Герцене их общие друзья» (R. L a b r y. Herzen et Proudhon. P., 1928, p. 82). Простое сопоставление дат и фактов опровергает это утверждение. Так, например, упомянутое выше письмо Прудона к Жиардену от 2 июля 1849 г., свидетельствующее о том, что надежда на получение залога от Жиардена не была еще потеряна, писалось уже после того, как Хоецкий и Сазонов принялись хлопотать о залоге перед Герценом. Повидимому, Прудон в поисках залога для своей новой газеты действовал одновременно в разных направлениях. Его обращение к Герцену было, на первых порах, лишь попыткой застраховать себя на случай неудачи с Жиарденом и лишь затем переросло в вынужденную программу «сотрудничества» с русским революционером. Этот вывод многое объясняет в характере сотрудничества Прудона с Герценом во время издания газеты, идейную платформу которой Прудон доверительно формулировал в письме к своему помощнику, А. Даримону, официальному редактору «La Voix du Peuple», в следующих словах: «социализм с точки зрения буржуазных интересов» («Correspondances», t. III, p. 97).

Сообщая Герцену, что Прудон может получить залог у Жиардена, Сазонов сначала писал об этом как о предположении, потом как о совершившемся факте. Намеренно ли пускал Сазонов в ход этот вымысел, чтобы поторопить Герцена с ответом на просьбу Прудона, или же его самого вводили в заблуждение Прудон и, главное, Хоецкий, от которого он узнавал новости о «согласии» Жиардена,—сказать трудно. Во всяком случае роль Сазонова в осуществлении этого проекта была весьма велика. Его большая личная заинтересованность в том, чтобы новая газета, при решающем участии Герцена, действительно была создана, побуждала его действовать энергично и настойчиво. Герцен вполне доверчиво отнесся к его сообщениям о готовности Жиардена дать Прудону деньги на «La Voix du Peuple», он не догадался о лживости этой версии даже после того, как газета Жиардена открыла огонь по Прудону, и повторил эту легенду в «Былом и думах».

Весь этот эпизод лишь подтверждает нестойкость идейных позиций Сазонова. Накануне выступления мелкобуржуазной демократии он действовал как «восторженный агитатор»; он звал Герцена на «жнитво лавр». Через какие-нибудь две недели после поражения Горы Сазонов, давая оценку ситуации во Франции после 13 июня, повторял Герцену прудонистский вздор и был воодушевлен идеей создания газеты, которая «будет писать так, чтобы не подвергаться суду». Но это, разумеется, отнюдь не означало, что Сазонов превратился в сколько-нибудь убежденного прудониста. Такое предположение лучше всего опровергается историей его кратковременного сотрудничества в «La Voix du Peuple». Введенный Герценом в редакцию газеты Прудона, Сазонов работал «с увлечением» около двух месяцев, а затем перекочевал в газету «La Réforme», в которой он тоже удержался недолго. Несомненно, дело было не только в неуживчивости Сазонова; главная причина его ухода—разочарование в идеях Прудона.

В письме к Марксу от 6 декабря 1849 г. Сазонов сообщал, что, «несмотря на шум, который производит Прудон и который производится вокруг его имени, отнюдь не он приобретает больше всего приверженцев» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2-е, М., 1951, стр. 25). Вскоре Сазонов сообщил Марксу, что в последнее время он значительно приблизился к его идеям и что толчком к этому послужило внимательное штудирование «последнего труда Прудона (*Confessions d'un révolutionnaire*)» и чтение «соглашательских статей» Прудона в *«La Voix du Peuple»* (там же, стр. 26). Все же, как показывают письма Сазонова, он продолжал поддерживать дружбу с прудонистами. Период поверхностного увлечения Марксом продолжался у Сазонова также недолго. Б. П. Козьмин совершенно прав, отвергая попытку П. Н. Сакулина и других объявить Сазонова, на основании его писем к Марксу конца 1849—1850 г., «первым русским марксистом». Справедливо указание Б. П. Козьмина и на то, что, соглашаясь с идеями «Коммунистического манифеста», Сазонов, в сущности, совсем не понял взглядов Маркса, как не понимал и политики коммунистического рабочего движения. Увлечение Сазонова идеями Маркса быстро прошло и сменилось взглядами весьма умеренными, отчетливо проявившимися в публикуемых ниже письмах пятидесятых годов; в них обнаруживается эволюция Сазонова в сторону дворянско-помещичьего либерализма.

Отчетливо показывает эту эволюцию последнее из публикуемых писем (мы датировем его началом мая 1860 г.). Письмо это написано в пору сотрудничества Сазонова в *«Gazette du Nord»* — русском общественно-политическом и литературном еженедельнике. Издавал этот еженедельник в Париже на французском языке Г. Рюмин. Как доказывает письмо Сазонова к Герцену, Сазонов играл в *«Gazette du Nord»* первостепенную и руководящую роль: по нашим подсчетам, на страницах *«Gazette du Nord»* в 1859—1860 гг. появилось восемнадцать больших статей под фамилией Сазонова и около десяти статей и заметок, подписанных его инициалами и псевдонимами.

Для новых идейных позиций Сазонова общественно-политическое лицо *«Gazette du Nord»* весьма показательно. Еженедельник, по собственным словам редакции, обращался к «избранной публике» и старательно подчеркивал по всякому поводу, что его критика крепостнических порядков носит вполне благонамеренный и верноподданныческий характер, вследствие чего он и был беспрепятственно допущен в Россию. Статьи самого Сазонова среди других статей *«Gazette du Nord»* отнюдь не звучали диссонансом. Изучение их позволяет выделить главные линии идейного развития Сазонова.

Во-первых, Сазонов шел к решительному разрыву с демократическим лагерем и отrenchивался от всякой мысли о крестьянской революции. В статье «Россия старая и Россия современная» (*«Gazette du Nord»*, № 15 от 14 апреля 1860 г.) Сазонов недвусмысленно заявлял, что русский крестьянин «больше не признал бы себя ни в Стеньке Разине, ни в Пугачеве, в этих бичах божьих, мстивших за ужасающие преступления, но, в свою очередь, достойных ненависти, а впрочем, бесплодных, как все бичи». «Мы уже не можем быть ни консерваторами, ни революционерами, как в XVIII веке; мы сторонники прогресса...», — писал Сазонов в этой статье.

Рассмотрение беглых замечаний о Чернышевском в статьях Сазонова «Об освобождении крепостных в России» приводит нас к выводу, что разрыв его с революционно-демократическим лагерем обозначился уже довольно четко. В статьях этих имя Чернышевского упоминалось среди имен тех экономистов и публицистов, чьи труды способствовали подготовке проекта реформы, рядом с Самариным, Кошелевым, Желтухиным, Бунге и другими публицистами и экономистами помещичьего лагеря. Это не значит, конечно, что Сазонов не видел различия между ними и редактором «Современника». В одной из своих статей Сазонов выделил имя Чернышевского и специально остановился на его работе «Труден ли выкуп земли?» («Современник», 1859, № 1), содержавшей знаменитый анализ возможных проектов выкупных платежей. Под видом этого анализа и выведения цифры возможно умеренной оценки «крепостной души» Чернышевский, как известно, ставил целью, обойдя все препоны цензуры, разоблачить грабительский характер выкупной операции вообще и провести в подцензурной статье основное требование революционно-демократического лагеря об освобождении

крестьян без всякого выкупа, о «выпрямлении палки» посредством крестьянской революции. Оценку «проектов» Чернышевского Сазонов начал весьма положительной характеристикой автора: «Этот публицист, равно искусный и проникательный, сделал один столько же, сколько вся комиссия в целом; он всесторонне изучил вопрос освобождения и, оставаясь в пределах экономической науки, неизменно выступал защитником крестьян. Если нам принадлежит честь первым познакомить с его именем Западную Европу, я горжусь этим как русский и как журналист» («Gazette du Nord», № 7 от 18 февраля 1860 г.). Но эта выразительная характеристика, хранившая следы прежних убеждений Сазонова и его еще не оборванных связей с демократическим лагерем, отнюдь не означала, что он был согласен с революционной программой Чернышевского по крестьянскому вопросу. Сазонов считал необходимым тут же отмежеваться от революционной линии Чернышевского. Делая вид, что он не понял революционного смысла рассуждений Чернышевского о выкупной проблеме, Сазонов объявлял «достаточно приемлемым» план выкупа, основанный на умеренной оценке «крепостной души», и даже подверг критике содержащуюся в статье Чернышевского цифру, как «весьма уменьшенную». «Да простит нам это замечание наш дорогой и уважаемый собрат, — писал по адресу Чернышевского Сазонов, — но он настолько добросовестен в своих изысканиях, что, без сомнения, сам заметил неудовлетворительность своей оценки» (там же). Эту критику нельзя объяснить тактическими, легалистскими соображениями руководителя «Gazette du Nord». В своих статьях Сазонов целеустремленно доказывал противоположность своей позиции в вопросе о выкупе позициям революционно-демократического лагеря, отрицавшего, устами того же Чернышевского, всякое право помещиков на выкуп. Именно этот смысл имели многочисленные тирады сазоновских статей в защиту права помещиков на вознаграждение за землю, выделяемую крестьянам при освобождении, — права, которое Сазонов пространно обосновывал и «справедливостью», и «принципом», и даже «интересами» самих крестьян: выкуп якобы должен заставить их всерьез почувствовать себя собственниками земли. Иначе нельзя оценить и взволнованных деклараций Сазонова о дворянстве, как о наиболее просвещенном классе русского общества и «хранителе национальных традиций», деклараций, кончавшихся таким выводом: «Разорив дворянство, Россия обезглавила бы самое себя» («Gazette du Nord», № 4 от 28 января 1860 г.). Вот почему, рекомендуя «проекты» Чернышевского и его выкладки вниманию тех помещиков, которые рассчитывали разбогатеть от выкупных платежей крестьян, Сазонов тут же делал оговорку: «Но само собой разумеется, что вместе со всеми здравомыслящими людьми мы требуем для собственников, лишаемых владений, справедливого и удовлетворительного вознаграждения, один из источников которого был указан Генералом Ростовцевым, наиболее практичным человеком из всех лиц, до сих пор официально занимавшихся этим вопросом» («Gazette du Nord», № 7 от 18 февраля 1860 г.).

Как видим, «проекты» Чернышевского Сазонов предлагал сочетать с проектами Ростовцева; начав с похвалы великому «крестьянскому адвокату», Сазонов кончил поддержкой «наиболее практичных» умеренно-либеральных крепостников. Такова была сущность позиции нашего «прогрессиста».

Отрекшись от звания революционера, став «прогрессистом», Сазонов неизбежно скользил дальше по наклонной плоскости и снимал лозунг уничтожения самодержавия и требование конституции, выдвигая всякие натянутые доводы, вроде того, что фактическая конституция существует у всякого государства и не может быть втиснута в рамки писанного текста и что Россия еще не созрела для парламентского строя. Парламентское государство, утверждал Сазонов в статье о книге Долгорукова «Правда о России» («Gazette du Nord», № 16 от 21 апреля 1860 г.), — это та ступень развития общества, какая соответствует в развитии ребенка периоду овладения речью. Если русская нация достигла этой зрелости, ее язык развяжется, и Россия произнесет свое слово; если же нет, то не поможет ни добрая воля государя, ни требование общественного мнения, и мы будем иметь лишь новое издание испанской, неаполитанской или прусской конституции, «от чего храни нас бог». Нетрудно видеть, что Сазонов, стремясь наладить соглашение либеральных помещиков с самодержавием, шел в это время еще дальше, чем либералы-конституционалисты типа Кавелина.

Сазонов отстаивал проекты сторонников «наделения» крестьян землей с помощью довольно своеобразных полународнических аргументов, в которых отразились противоречивые черты его новейшей идейной эволюции. В своих статьях в «Gazette du Nord» Сазонов особенно настаивал на двух требованиях: освободить крестьян с землей и сохранить за ними размеры их фактического землепользования. В сущности говоря, его аргументация сводилась к известным доводам: Россия может избежать «язвы пролета-

Н. И. САЗОНОВ

Фотография, 1850-е гг.

Литературный музей, Москва

риатства», «свободный труд работника, являющегося собственником, производительнее, чем труд пролетария». Другим оплотом против «язвы пролетариата» должно было быть сохранение общины и общинного землевладения; вот почему Сазонов горячо защищал соответствующие крепостнические проекты комиссии Ростовцева. Вместе с тем, развивая свою аргументацию, Сазонов доказывал, что общинное землевладение научит русский народ самоуправлению и приведет его к идеям ассоциации, «которой принадлежит будущее всего мира» («Gazette du Nord», № 9 от 3 марта 1860 г.). Вся крестьянская Россия должна стать «агломерацией общин», — писал Сазонов, рисуя перспективу некапиталистического развития, — городá тоже должны получить общинную организацию, мелкие общины будут сливаться и ассоциироваться между собой

для создания обширных общин, «способных воспринять плодотворный росток ассоциации».

Но среди этих типичных антикапиталистических аргументов в статьях Сазонова звучали и совсем иные нотки. В его народнических схемах чувствовались явные противоречия. Так, Сазонов признавал и подчеркивал наличие в русской деревне определенной классовой дифференциации. В статьях «Об освобождении крепостных в России» он доказывал, что если не принять административных мер, чтобы сохранить общинное землевладение, то крестьяне-капиталисты, которые, — он подчеркивал, — уже существуют в русской деревне, приберут к рукам земли бедняков и бедняки станут пролетариями, а при недостаточной развитости русской промышленности — и нищими, и в России придется открывать работные дома английского типа («Gazette du Nord», № 9 от 3 марта 1860 г.). А в статье о книге Долгорукова Сазонов упрекал автора в том, что он поверхностно и утопично трактует вопрос о русской буржуазии и выдвигает совершенно непрактичные планы организации муниципальной жизни. Наконец, нельзя не отметить и того, что в некоторых статьях «Gazette du Nord» Сазонов отмежевывается от герценовских идей о «русском социализме», об особой исторической миссии России. «Вера в особую миссию, так сказать возложенную на тот или иной народ(...) как нам кажется, не была никогда научно обоснована», — писал он в статье «Россия старая и Россия современная», не называя имени того, кому принадлежали эти взгляды. Таким образом, в идеологии Сазонова в этот период своеобразно переплетались умеренные либерально-помещичьи взгляды с либерально-народнической тенденцией, которая, как указывал Ленин, «вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861-го года» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 17, стр. 88). Несмотря на антикапиталистическую фразеологию Сазонова, его следует отнести к сторонникам такого типа капиталистической эволюции России, которая, по определению Ленина, «всего более отягощена помещичьими традициями, всего более связана с крепостническим прошлым, всего медленнее, всего тяжелее от него освобождается» (там же, стр. 87). Неудивительно, что статьи Сазонова и его позиция вызвали возражения Герцена, о чем прямо говорит текст ответного письма Сазонова от начала мая 1860 г. И хотя это письмо не воспроизводит конкретного содержания герценовской критики, нетрудно догадаться, о чем шел спор. К 1860 г. Герцен уже в значительной степени изжил свои либеральные иллюзии. Идеи же Сазонова 1859—1860 гг. приняли вполне определенный характер либерально-помещичьей позиции и почти законченного ренегатства. Вряд ли эту перемену в своих взглядах Сазонов мог скрыть от Герцена неубедительными ссылками на разницу «между либеральными аристократами и настоящими радикалами», которую он якобы показал в своих статьях в «Gazette du Nord». Его «неудавшиеся», как выразился в «Былом и думах» Герцен, статьи еще более углубили давно намечавшийся полный разрыв между бывшими университетскими друзьями. Разрыв этот стал окончательно непоправимым, когда Сазонов решительно повернул в сторону дворянско-помещичьего либерализма. В плену этих идей и кончил свою жизнь оригинальнейший «бегун образованной России», как его назвал однажды Герцен (XVII, 95).

Письма печатаются по автографам «празжской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 104 и 130).

Октября 11-го 1836

Нет, друг, не прошла юность наша, напротив, теперь-то юность настоящая: мы было испортили жизнь свою, но сила души восторжествовала, и солнце юности заблестало для нас ярче и прекраснее, не затемненное облаками мечтательности и разгулья. Прошло детство, прошло ребячество, и я славно простился с этой эпохой жизни под небом Италии¹; жаль, что ты не мог сделать того же, и потому-то ты несправедлив к этому времени. Разве не было в нем прекрасного, разве не было в нем высокого? Хорошо, право хорошо было это время: тогда грусть была гостьей минутой, — малейшая надежда, одна счастливая мысль, один порыв вдохновения уносили ее с собою; если бывало, одному приходили мысли печаль-

ные, он сказывал их другим, и всякая печаль разрешалась в общей, взаимной доверенности. А теперь? Чувство сосредоточилось, оно не растекается в мелочах, не теряется в пустяках, нет, мы храним его под спудом, как святыню, тщательно прячем от глаз людских, и когда оно проявляется, то порыв его сильней и стремительней, и мы более, яснее чувствуем свою личность. Но это беспрестанное, сознательное, противуестественное явление чувства прививает нам вечную грусть, ничем не смягчаемую грусть,

ГАЗЕТНЫЙ ЛАРЕК В ПАРИЖЕ

«L'Illustration», № 276 от 10 июля 1848 г.

которая не оставляет нас никогда, даже в те минуты, когда чувство преобладает, когда мы желали бы высказать все существо свое, перелить все свое сердце. Нет более тех слов, которые прямо из сердца вылетали на уста, и не найти (*1 нрзб.*) им ни для кого, ни для чего.

Ты несправедлив к ребячеству, я несправедлив, может быть, к юности, — что за дело? Прошло детство, пройдет юность — все это временное, пройдут и другие возрасты, пройдет сам человек. Неужели и только, неужели это чувство вечного и безграничного даром поселено в нас богом, неужели существование человека стеснено все в этих переходах страстей и склонностей? Но вчерашняя страсть смешна и жалка для нас сегодня, а таким образом конечным выражением жизни была бы насмешка. Насмешка, сомнение, безверие — да это граница личности: блажен, кто

дитятей и юношей, мужем и старцем видел далее личности. Пройдет все это, пройдет человек, но человечество останется и бог, им руководящий.

Addio, caro.

С.

Приписка Н. Х. Кетчера на полях:

Concedo! * но еще более в этой-то личной страсти должна проявляться вся сила экспансивная на все человечество.

Статьи **

Надпись Герцена о получении: ок(тября) 29

¹ После ареста Герцена и Огарева в 1834 г. мать Сазонова, опасаясь, что и он может подвергнуться правительственным преследованиям, добилась для него возможности уехать за границу.

2

(Париж. 27—29 июня 1849 г.) ¹

Вот как, любезный друг, ты в Женеве, а я здесь, пока еще свободен и спокоен; не знаю, надолго ли это продолжится. Причиной моего неотъезда был недостаток денег. Как я тебе объяснял, мне было нужно тысячу франков, а с пятьюстами, которые ты мне ссудил, я не решался издерживаться на путешествие. Впрочем, может и приеду, в крайнем случае. А в ожидании этого могу сообщить тебе новость, весьма утешную. Шожеки² виделся с Прудонцем³; Прудонец предлагает соединиться с ним для издания нового журнала. Он говорит, что, несмотря на новый закон, нашел способ писать так, чтобы не подвергаться суду. Деньги на издание у него есть, недостает только одного — cautionnement^{***}, которая, как ты знаешь, составляет двадцать четыре тысячи франков. Я и Шожеки понадеялись на тебя и обнадежили Прудонца, который только этого ждет, чтобы начать новый поход. Он более, нежели когда-нибудь, полон надежды и веры. Я думаю, что ты предложение это можешь и должен принять. Вследствие обещания Прудонца писать так, чтобы не подвергаться суду, деньги твои никакой опасности подвержены не будут, а кроме того и кроме великой демократической пользы, есть даже, по расчетам Прудонца, надежда на хороший барыш. Пожалуйста, чтобы это осталось между нами, никому, а в особенности Головину⁴, ни слова, пока дело еще не в ходу. Я думаю, что ведь ты все же, наконец, воротиться сюда. В Женеве, по правде сказать, скука смертная, и чем долее ты там проживешь, тем яснее она тебе откроется. Конечно, прогуляться хорошо, но ведь и дело делать хорошо, а дела-то много! Кроме того, что открывается возможность издавать журнал, лучший в мире (несмотря на все ограничения закона или даже вследствие этих ограничений), а еще есть у нас план насчет Венгрии, для которого твое перо необходимо⁵. Прогуляйся да приезжай, а пока не медли отвечать мне и отвечай таким образом (по-французски), чтобы я письмо мог показать Прудонцу, которому мы назначили срок для ответа — две недели. Если мы не можем доставить cautionnement, то он будет искать у капиталистов. А жалко будет упустить такой случай, который уже, конечно, не возобновится. Подумай! Все надежды опять начинают воскресать, террор прошел и, кроме нескольких людей, которых потеря едва ли заметна, — все попрежнему⁶.

Демоки⁷ надеются восторжествовать на парижских избраниях, но я лично не совсем в этом уверен. Полиция употребляет все средства, чтобы разъединить партию, рассыпая гнусные подозрения на лучших людей, в том числе на Madier de Montjau и Thoré⁸, но не удастся.

* Согласен! (итал.).

** На этом приписка обрывается.

*** залога (франц.).

Я нашел себе занятие в bureau de correspondance*, за пять часов работы в день пять франков. Ну! что ж делать, пока и то хорошо. Впрочем, если есть какая-нибудь возможность, то пришли или доставь пятьсот франков. Тогда мне спокойнее будет дожидаться собственных денег, которые Шепкин⁹ обещает прислать в августе. Доверенность засвидетельствовали без затруднения, и Иванов был чрезвычайно учтив.

До свидания.

С а з о н о в

ОСАДА ФРАНЦУЗСКИМИ ВОЙСКАМИ РИМА

Первая атака города 30 апреля 1849 г.

«The Illustrated London News», № 371 от 19 мая 1849 г.

Если я сам не приеду, то буду писать тебе длинные письма, которым это — не пример. Сегодня я измучен долгой работой и пишу только по убеждениям Шожеки.

Adieu

¹ Публикуемое письмо, повидимому, и является той «длинной грамотой» от Сазонова, получив которую Герцен писал жене 1 июля 1849 г., что «Сазонов и не думает ехать» в Женеву и «снова затевает разные журналы» (см. выше, стр. 523). Это дает возможность приблизительно определить, когда оно было написано.

² *Шожеки* — Карл-Эдмунд Хоецкий (1822—1899), польскую фамилию которого (Chojecki) Сазонов, скорее в шутку, чем ради конспирации, передает во французском произношении. Хоецкий, один из видных деятелей польской демократической эмиграции в Париже, с середины сороковых годов, постоянно сотрудничал в парижской демократической прессе (литературный псевдоним его — Шарль Эдмон) и приобрел имя и обширные связи среди французской передовой интеллигенции и международной демократической эмиграции. В 1848 г. Хоецкий сблизился с Прудоном и стал одним из ведущих сотрудников газеты «Le Peuple». Знакомство Герцена с Хоецким произошло в 1847 г., когда Герцен, впервые приехав в Париж, окунулся в жизнь демократической эмиграции и установил связи с ее польскими представителями.

³ *Прудонец* — П.-Ж. Прудон.

* конторе (франц.).

⁴ Характеристику журналиста и эмигранта Ивана Гавриловича Головина см. в гл. IX «Былого и дум». О совместной жизни Герцена и Головина в Женеве см. V, 276.

⁵ О каком «плане насчет Венгрии» пишет Сазонов, выяснить не удалось. Можно предположить, что речь шла о цикле статей, посвященных борьбе революционной Венгрии против интервенции, борьбе, которая в это время вступала в решающую стадию. В письме к Марксу от 2 мая 1850 г. Сазонов, перечисляя материалы, имеющиеся в его распоряжении для затеваемого им нового журнала, указывал и на свою статью «О Венгрии и славянском вопросе» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», лит. изд., стр. 28). Повидимому, Сазонов и Хоецкий предполагали выступить со статьями, доказывающими, что дело революционной Венгрии близко интересам славянских народов.

⁶ Оценка обстановки, сложившейся во Франции после событий 13 июня 1849 г., которую дает Сазонов, красноречиво свидетельствует о влиянии на него взглядов Прудона. Именно для Прудона и был характерен оптимизм в оценке ситуации после поражения Горы, несмотря на неистовства террора, проводимого монархическим контрреволюцией против демократического лагеря. Проводя идеи «экономического сотрудничества» классов и отказ от революционной политической борьбы против буржуазии и реакции, Прудон отрицательно относился даже к той робкой, трусливой «борьбе» с монархическим большинством Законодательного собрания и президентом, которую предприняла мелкобуржуазная демократия в июне 1849 г. и которая окончилась позорным фиаско Горы при попытке организовать безоружную уличную демонстрацию 13 июня 1849 г. в Париже. Поражение Горы и бегство за границу таких ее лидеров, как Ледрю-Роллен, Ш. Делеклюз, Ф. Пиа, В. Консидеран и другие, Прудон считал скорее плюсом, чем минусом для дальнейшего движения революции по мирному пути. Прудон надеялся, что это поражение должно было ослабить опасность подражания якобинской революционной тактике и якобинской диктатуре. По мнению Прудона, мнению мирного социального реформатора и оппортуниста, эта опасность губила до сих пор все дело февральской революции.

Влияние этих мыслей Прудона сказалось и в содержащейся в письме Сазонова фразе о людях, «которых потеря едва ли заметна», — недвусмысленный намек на то, как мало значат для дальнейшего хода революции во Франции удалившиеся в эмиграцию «якобинствующие» лидеры Горы.

⁷ Демокри — демократы, объединенные в 1849 г. так называемым демократическо-социалистическим блоком Горы. Речь идет о дополнительных выборах в Законодательное собрание на места депутатов, выбывших после событий 13 июня 1849 г.

⁸ *Madier de Montjau* (Мадье де Монжо) — адвокат, близкий сотрудник Прудона, выступавший защитником на судебных процессах прудоновских газет. *Théophile Thoré* (Теофиль Торе, 1807—1869) — мелкобуржуазный журналист (см. его письмо к Герцену — VI, 672—675).

Во время революции 1848 г. Торе издавал ежедневную газету «La vraie République» (в 1849 г. она называлась «Journal de la vraie République»), которую Герцен высоко ценил за разоблачение гибельной политики буржуазных республиканцев и за проповедь необходимости «истинной» республики, «демократической и социальной». Торе соединял реформаторские проекты различных школ мелкобуржуазного социализма и был в близких отношениях с Прудоном и его окружением, что не мешало ему принимать активное участие в подготовке и проведении демонстрации 13 июня 1849 г.

⁹ Дмитрий Михайлович Щепкин (1817—1857) — сын актера М. С. Щепкина. В это время он находился в Париже, на пути в Россию. Сазонов выдал ему доверенность на управление своими именными.

3

(Париж. 3 июля 1849 г.)¹

(...)* дела внутренние (насколько возможно) и, в особенности, вопросы социальные. Впрочем, ты и другие вольны писать о чем хотят, резкого разграничения нет.—Название он предлагает «Глас народа». На успех надеется огромный и на первый месяц обещает сорок тысяч подписчиков. Я думаю, что тебе сомневаться нечего. Насчет журнала в Женеве — это не имеет никакого вида на успех². Единственный журнал, какой можно выдавать вне Парижа, — это нечто вроде «Allgemeine», т. е. перечень фактов, но в Женеве этого нельзя, потому что она лежит в стороне от главных путей сообщения. Фази, я думаю, за это несколько не рассердится, потому что он сам поймет, насколько журнал в Париже полнее женевского журнала, даже им самим издаваемого. Вот тебе о журнале все, что нахожу достойным сказать. Поблагодари Фази за пасс, им присланный; а знаешь ли что? ведь я им, вероятно, очень скоро восполь-

* Начало письма не сохранилось.—Ред.

зуюсь, чего ты не ожидал, конечно. Вот по какому случаю. Хоткевич, мой брат³, приехал в Берн, и мне с ним надо непременно видаться, потому я поеду в Берн и оттуда, разумеется, в Женеву, где увидимся и, вероятно, объяснимся лучше, нежели за глаза. Впрочем, это зависит от того, достану ли я пятьсот франков. Администрация, в которой я теперь работаю, дает мне сто пятьдесят франков в месяц, но только по окончании месяца, а вперед ни гроша. Если бы ты как-нибудь мог распорядиться, чтобы мне до сентября ссудить эту сумму, то очень бы меня утешил. Щепкин обещает в конце августа прислать мне непременно денег и, надеюсь, исполнит.

Насчет денег — ты еще, кажется, одного не понял. Для издания журнала у великого человека деньги есть, ему нужна только кафедия* (так говорят по-русски Шожеки); что же касается до того, чтобы ждать до августа, это дело не невозможное, но не знаю, достанет ли у него терпенья, а если не достанет, то ему нетрудно будет найти денег при том положении, которое он теперь принял. Рассуди — ведь это то, чего мы давно хотели, т. е. свой журнал, только с помощью великого человека. Рассуди. А о реакции и о разгаре реакции ты мне не говори — этот жар уже остыл, а народ — всё народ, т. е. велик и прекрасен. Сегодня, возвращаясь из bureau в первом часу, я нашел на бульваре огромную массу народа; все стояли на месте и смотрели вверх, на небо. Небо было чисто, ясно, солнце сияло. Я спросил, на что они смотрят? Говорят: на звезду, которая видна, несмотря на блеск солнца.

— Что за звезда? — спросил я.

— L'étoile de Rome**.

Сам я звезды не видал, но ту же толпу видел и тот же ответ слышал от Madeleine до Boulevard des Italiens. Вот народ! Заметь, что я ничего не прибавил, не украсил, а рассказал так, как было, но впечатление, которое на меня произвела эта поэзия народа, передать не умею⁴.

Ну, на сегодня довольно, буду продолжать писать постоянно, если ты перестанешь сердиться. Впрочем, если ты за то сердит, что я не приехал, то это весьма дружески.

До свидания.

¹ В следующем письме, которое датировано 4 июля, Сазонов писал Герцену, что его вчерашнее предположительное сообщение — о возможности для Прудона найти для своей газеты нужный капитал — «осуществилось сегодня в действительности». Как раз в комментируемом письме, и только в нем, можно найти это предположение («достанет ли у него терпенья, а если не достанет, то ему нетрудно будет найти денег»). Следовательно, письмо должно быть датировано 3 июля 1849 г.

² О проекте создания журнала в Женеве см. во вступительной заметке к настоящей публикации.

³ Граф Хоткевич — польский эмигрант, был близким другом Сазонова и членом учрежденного им «интернационального братства» (вероятно поэтому Сазонов и называл Хоткевича «братом»).

⁴ Сазонов рассказывает о том огромном сочувствии, какое вызвала у парижского населения героическая борьба Римской республики против французских войск, посланных правительством монархической и клерикальной французской контрреволюции, чтобы удушить Римскую республику и восстановить светскую власть римского папы. Как раз в эти дни шли последние сражения защитников Римской республики с превосходящими силами французских интервентов.

Сейчас я сообщил Х(оецкому) твой ответ¹. Он желает обратить твое внимание на два пункта.

Во-первых, что касается до обещания твоего Фази, то он может для своего журнала найти сильнейшую подпору в капитале «Трибуны», кото-

* валог.

** Римская звезда (франц.).

рый жаждет с ним соединиться. У них, кроме кафеции, есть еще более двадцати пяти тысяч *fonds de roulement* *. Кафецию, вероятно, они потеряют почти вполне, но другие деньги останутся.

Во-вторых, то, о чем я вчера писал тебе предположительно, т. е. о возможности для Прудона найти нужный капитал, осуществилось сегодня в действительности. Емеля Жирандов² дает кафецию; для Прудона все равно, но для нас не совсем все равно, потому что вместо: «Глас народа, журнал республики универсальной, социальной и демократической» — будет выходить: «Глас народа, журнал республики бур-

БОНАПАРТИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 г. ВО ФРАНЦИИ
У БАРИКАДЫ В СЕНТ-АНТУАНСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ В ПАРИЖЕ 3 ДЕКАБРЯ
«Второе декабря, несмотря на то, что все его ждали, поразило всех. Предвидит ли человек несчастье или нет,—оно все приходит врасплох» («Письма из Франции и Италии». Письмо четырнадцатое, 31 декабря 1851 г.)

«Illustrierte Zeitung», № 445 от 10 января 1852 г.

жуазной и социальной». Жирандов настаивает, чтобы Прудон принял его предложение, и Прудон останавливается только вследствие обещаний, которые мы ему сделали. Насчет отсрочки до августа можно устроиться, если только под августом ты разумеешь не конец месяца, а начало. Ну! подумай. До свидания.

Рукою Э. Хоецкого:

Это письмо пишется у меня, и я не могу выдержать, чтобы вас, любезный друг, не поздравить. Я был бы очень рад, если бы дело, о котором Сазонов вам пишет, могло скоро зрелизоваться, потому что сегодня время самый дорогой капитал. Прудон неудоволен всеми своими земляками и хочет сделать союз с социалистами человечества,

* оборотного капитала (франц.).

а не Франций. В таком случае вам, Александр Иванович, принадлежит одно из первых мест, и я бы не хотел, чтобы оно осталось незанятым.

Прощайте, до личного свидания.

Ваш Едмунд Х о е ц к и й

Рукой Сазонова:

Отдай другую половину листка Головину.

¹ Ответ Герцена, как и другие его письма к Сазонову за это время, не сохранился. О содержании ответа можно составить представление по предыдущему письму Сазонова, от 3 июля. В нем Сазонов отвечал на заданные Герценом вопросы. Как видно, Герцен расспрашивал о подробностях предложения, сделанного ему Прудонем, интересовался направлением проектируемой газеты и в особенности тем, как будут разделены в ней сферы влияния между ним и Прудонем. Герцен еще не давал своего согласия, сославшись на проект издания демократической газеты в Женеве, поддержку которой он обещал Фази, и откладывал окончательный ответ до августа 1849 г. Попутно отметим, что в Отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архиве А. А. Краевского, хранится письмо Прудона к Сазонову, в котором он отменяет назначенное свидание и обещает встретиться, по просьбе Сазонова, с кем-то из его друзей. Письмо это не датировано и, повидимому, относится к более позднему времени (XIV, 134).

² *Емеля Жирардов* — Эмиль де Жирарден. См. о нем во вступительной статье.

5

Париж. 10-го июля (1849 г.)

Сейчас получил письмо твое и Головина¹. Отвечать пока нечего, потому что Гервег поехал и все сообщит изустно. Ты говоришь, что послал мне длинное письмо, — я его не получал. Жены твоей я в последний день не видал, потому что она была у Гервега, а я на Гервега рассердился.

После их отъезда я получил через m-me Herwegh² записку и 200 fr., вероятно от тебя, за что весьма благодарю. На письмо надо отвечать, потому что Хоецкий отчаивается.

Головину скажи, что Франку³ постараемся насолить, а насчет «Трибуны» немедленно ответа дать нельзя, потому что администраторы все уехали. Браницкого также здесь нет⁴. Головину издавать еженедельный лист пока не советую. А в Америку ты не уедешь, потому что умер бы там в шесть недель от пустоты нравственной и физической. Если у вас будут какие новости, то присылай их немедленно.

Мою корреспонденцию печатают три журнала: «National», «Temps» и «Liberté»⁵.

Когда добуду твое письмо, то напишу дельный и подробный отчет. Дружба и братство.

С а з о н о в

¹ Эти письма Герцена и Головина к Сазонову неизвестны.

² Эмма Гервег оставалась в Париже и была посредницей между Герценом и Г. Гервегом, с одной стороны, и их парижскими знакомыми, с другой, в частности с Прудонем, которого она постоянно посещала в тюрьме Консьержери; впоследствии в ее квартире происходили заседания редакторов «La Voix du Peuple» (см. V. Fleury. Le poète Georges Herwegh. Paris, 1911, p. 153).

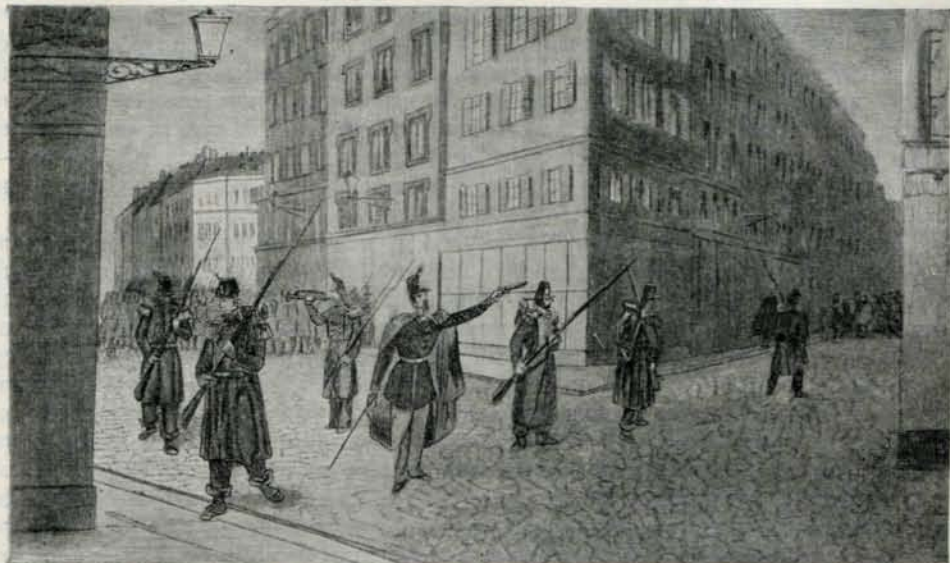
³ А. Франк — парижский издатель и книгопродавец.

⁴ «Трибуна» — газета «La Tribune des Peuples», основанная польскими эмигрантами во главе с Адамом Мицкевичем. Субсидировал газету гр. Ксаверий Владиславович Браницкий (XIII, 308; см. стр. 62 настоящего тома). Сазонов входил в редакцию газеты и писал в ней под псевдонимом «Волков». Издание было прекращено после июньских дней 1849 г.

⁵ Бросается в глаза неразборчивость Сазонова в его журналистской деятельности. Идейное направление газет, в которых он сотрудничал, было весьма различно: «National» — руководящий орган буржуазных республиканцев; «Temps» (март — декабрь 1849 г.) — демократическая газета; «Liberté» — буржуазная газета бонапартистского направления.

(Париж.) 22 июля (1849 г.)

Так как из нескольких строк, приписанных тобой к письму Головина¹, я вижу, что ты еще не отвечал Пр(удону), то спешу тебя уведомить, чтобы, во всяком случае, каково бы ни было твое решение, принял такие меры, чтобы *кафеция* не осталась в руках Хоецкого средством завладеть журналом. Я, разумеется, говорю это не в денежном отношении, а в политическом. На днях я узнал, что он интригует на все стороны. А впрочем, если уметь его держать в узде, человек полезный, отчасти. Вот.

БОНАПАРТИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 Г. ВО ФРАНЦИИ.
НА УЛИЦАХ ПАРИЖА 5 ДЕКАБРЯ

Войска «прочищают» город

«Переворот второго декабря (...) не имеет знамени, он имеет только собственное имя, бунтующую полицию, пьяных солдат, подкупленных генералов (...)» Говорят, что победил *порядок*, в смысле полицейской тишины. Полиция идет вперед и на первом месте только тогда, когда ведут кого-нибудь на казнь» («Письма из Франции и Италии». Письмо четырнадцатое, 31 декабря 1851 г.)

«Illustrierte Zeitung», № 445 от 10 января 1852 г.

О какой ты акузации* говоришь? Кажется, я в последний раз ничего подобного не говорил и желаю от всей души этот тон оставить для того, чтобы заняться делом, а дела много!

Скажи Головину, что Браницкого здесь нет, а Голынский² три дни тому назад здесь был. Насчет его (Гол(овина?)) фельетонов³ в «Presse» поговорю, если не сам, то через третье лицо.

До свидания. Написал бы больше, да перо слишком дурно, а другого я не имею.

Скучно мне здесь без вас.

С а з о н о в

¹ Эта приписка Герцена в письме Головина к Сазонову остается неизвестной.

² Александр Викентьевич Голынский (1816 —?) — польский эмигрант, литератор. На его средства была создана типография польского «Демократического товарищества» в Лондоне и издавалась газета «Польский демократ». С Герценом Голынский познакомился в 1849 г. в Париже через Сазонова; в том же году он был выслан из Франции.

* обвинении (от лат. accusatio).

³ В июне 1849 г. И. Г. Головин, высланный из Франции, переехал в Женеву, где часто встречался с Герценом. Он и в это время не прекращал сотрудничества в парижских периодических изданиях, о чем сам сообщает в своих записках («Записки Ивана Головина», Лейпциг, 1859, стр. 126).

7

(Париж.) 24 марта (1852 г.)

Давно не писал я к тебе по многим причинам. После твоего письма, в котором ты несколько обидел меня, сказавши, что я *не хочу* тебя понять, — мне показалось рассудительнее и полезнее прервать на время разговор, в котором мы друг друга не понимали¹. Потом мне надо было рассудить, точно ли я тебя не понял, — и я нашел, что это правда, но в утешение самому себе я должен сказать, что это непонимание несколько не могло изменить моих поступков. Поступил я так, как следует доброму другу, а говорил с тобой так, как друг бестолковый. Извини, откровенно сознаюсь в ошибке. Впрочем, теперь мы о прошлом говорить не станем — я надеюсь, что ты спокоен и что ничем твое спокойствие нарушено не будет.

При свидании объясню тебе, отчего и каким образом я ошибался. Я говорю «при свидании», потому что слышал случайно о твоём намерении приехать сюда. Разумеется, я этим весьма доволен, даже если ты приедешь только на короткое время². Мне вряд ли средства позволят ехать куда-нибудь, и, следовательно, я жду тебя с нетерпением. О многом хочется поговорить, и о частном и об общем. Быть может, мой оптимизм, поправленный твоим пессимизмом, доведёт до результата действительного. Одного я только боюсь: чтобы Голов(ин), узнавши о твоём намерении сюда приехать, не вздумал также явиться. Этого надо избежать à tout prix*, потому что он нас еще раз уничтожит, как уничтожал уже слишком часто. Я в последнее время еще узнал, до какой степени он нам всем испортил здесь положение, без малейшей пользы для самого себя. Бога ради, ты его останови, а то я готов бежать в Америку, он мне страшнее самого Сулука³. Без шуток, займись этим. Я, кроме всякого оптимизма, думаю, что теперь можно много полезного делать нам, а этот человек во все вмешается и все испортит. В последнее время я гораздо более думал, нежели делал, — и я думаю, все люди искренние так же поступали в это время. Думал и, следовательно, читал много. Отгадай, что я всего более читал? Твоего любимого Леопарди. Не знаю, читал ли ты его переписку. Я прочитал ее, перечитывая вместе все сочинения, так что составил себе полное и ясное понятие о человеке — и влюбился в него. В нем есть все, что привлекательно: оригинальность и новость в высшем и лучшем значении слова, красота формы недостижимая и глубокая доброта сердца, наконец, те маленькие недостатки, которые так к людям привязывают. Он мне сделался другом, и другом тем лучшим, что я подружился с ним понемногу; другом, тем для меня интереснейшим, что я в нем в первый раз подружился с человеком разномыслящим. Дружба моя с Леопарди, надеюсь, свяжет меня еще теснее с тобой. Насчет наших отношений мне вот что хочется сказать тебе: если бы мы, рожденные под одинакими влияниями, развивавшиеся параллельно, не знали друг друга по сие время и встретились бы только вчера, эта встреча была бы для нас обоих драгоценна. Насколько же должна быть драгоценна постоянная связь, старая дружба. Давно не говоривши с тобой, я заговорился и забыл почти, что в начале письма я говорил тебе о многих причинах моего молчания. Причина главная — болезнь; старая моя болезнь в сердце возвратилась и, как мне кажется, уси-

* любой ценой (франц.).

лилась. По наружности я здоров, но не сплю ночей и слушаю глухое биенье сердца. Мне кажется, что мне недолго жить. Конечно, умирать мне, если не поздно, то и не рано — я об этом не забочусь, а пишу это для того, чтобы напомнить тебе о моих детях. Сестра⁴ недавно мне писала, что она все для них сделает, но ты знаешь мою сестру и, следовательно, я все-таки более полагаюсь на твое участие и на твое попечение.

Прощай, друг, хотелось бы мне с тобой повидаться. Отвечай мне, адресуя письмо к Бернацкому.

¹ Письмо Герцена, на которое отвечает Сазонов, в печати неизвестно (см. предшествующее письмо от 15 февраля 1852 г. — VII, 13—14). *Разговор, в котором мы друг друга не понимали*, касался семейной драмы Герцена. В письме к М. К. Рейхель общее отношение Сазонова к этой драме Герцен образно определил так: «Фраза, холод и гранит» (VII, 51). Позиция Сазонова, сохранившего добрые отношения с Гервегом и пытавшегося убеждать Герцена не удерживать Наталью Александровну, навсегда оборвала их дружбу. «Моя дружба, мое знакомство с ним, — писал Герцен М. К. Рейхель 30 июня 1852 г., — кончены на веки веков. Кто тут не умел понять, в том не было ни искры души» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 339). Однако письменное общение с Сазоновым спустя несколько лет восстановилось.

² Болезнь и смерть Натальи Александровны не позволили Герцену осуществить свое намерение — побывать весной 1852 г. в Париже.

³ *Сулук* — насмешливое прозвище Наполеона III, совершившего 2 декабря 1851 г. государственный переворот и захватившего власть. Негр Сулук (1782—1867), неграмотный и невежественный, в 1847 г. добился своего «избрания» в президенты республики Гаити, а затем, при помощи заговора и кровавой резни, заставил провозгласить себя императором.

⁴ *Сестра* — Мария Ивановна Полуденская; в мае 1848 г. она возвратилась в Россию после полугодового пребывания за границей. М. И. Полуденская оказывала постоянную материальную помощь Сазонову и его двум детям.

8

*Pour m-r Herzen**

(Париж. 6 сентября 1852 г.)

Любезный Герцен.

Мне сейчас сказали, что ты находишься в Париже¹. Я надеюсь, что ты доставишь мне удовольствие видеть тебя. За что ты мной недоволен — я не знаю, но, во всяком случае, думаю, что лучше объяснить, нежели сердиться без причины. Я, с своей стороны, знаю, что ни в чем не изменил дружбе; понимаю, что и с твоей стороны ничто не могло нарушить наших давних сношений. Мне бы о многом хотелось поговорить с тобой, а о прошедшем, если будем говорить, то я надеюсь, что ты мной останешься доволен, а если тебе говорить не хочется, то забудем.

Искренне тебе преданный

С а з о н о в

6 сентября, понедельник
56, rue de Lorette

Без преувеличения — я тебя люблю от всей души, и если ты поверил каким-нибудь сапсана^{**}, то мне тебя жаль. Я могу тебе показать и такие сапсаны, которым я, однакоже, никогда не верил.

¹ Полученное Сазоновым сообщение о том, что в начале сентября 1852 г. Герцен находился в Париже, было неточно: Герцен пробыл в Париже с 20 по 24 августа, проездом в Лондон. О причинах недовольства Герцена Сазоновым см. в примеч. 1 к предыдущему письму.

* Для г-на Герцена (франц.).

** сплетням (франц.).

Paris, le 20 août 1855¹

Прочитал твои книги, которые, наконец, получил от Франка, с особенным вниманием и с большим удовольствием. «Крещеная собственность» написана дельно и благородно, но зачем же ты печатаешь такие лишние и ненужные вещи, как «Емеля Пугачев» и «Видения св. Кондратия»². Если их писал иностранец, то я не вижу пользы для России, а если русский, то он должен быть стар: это отголосок из времен чаадаевских, из которых мы давно вышли. На этот счет надо сказать несколько общих истин. В настоящее время мы (т. е. ты и я и вообще русские социалисты) не можем ни желать разрушения русской империи, ни помогать в этом полякам. А если поляки хотят, чтобы мы им помогли и действовали вместе, то первым условием для этого должно быть отвержение (полное и решительное) западной помощи. В таком случае, пожалуй, давайте разрушать русскую империю, но не для того, чтобы восстановить древнюю Польшу, а для того, чтобы заменить единство под деспотизмом единством в свободе, т. е. тесной славянской федерацией по племенам. Если это невозможно, то я, по любви к прогрессу, предпочитаю сохранение империи (в которой, по крайней мере, есть живучесть) восстановлению того, что само собой не могло удержаться и без чужой помощи не может встать. Кажется, ясно. Если ты этому не противен, то я для второго номера «Звезды», кроме статьи, которую обещал и которая почти готова, приготовлю еще другую: разбор двух книг о Польше, Мерославского и Рачинского³. Теперь наступило время настоящей и полезной деятельности для русских, и, если бы я не был убит работой для насущного хлеба, то делал бы гораздо более, но пока сил достанет все-таки не перестану трудиться.

О «Полярной звезде» я в «Athenaeum»⁴ объявил.

Я думаю, ты уже получил два номера, которые я тебе послал. Русские стихотворения пришлю, как скоро успею их переписать: я намерен их перевести на французский. Зачем ты не ответил мне насчет Липперта? Я бы очень желал знать, что о нем думали в России. Знаешь ли ты, что он замешан был в деле Петрашевского?⁵ Впрочем, он, повидимому, к нам хорошо расположен и даже берется твои публикации доставлять в Россию. Но он страшно Россию ненавидит.

Известие о нашем Огареве опечалило меня⁶. Для него несчастье, и несчастье материальное, ни к чему не нужно, он добр достаточно и нежен слишком. А знаешь ли ты, что он написал предикские стихи на Запад?⁷ Впрочем, будь я в России — может быть, тоже бы написал.

Если у тебя «Юмор»⁸ напечатан, то пришли мне, пожалуйста, но не публикуй: я думаю, для него опасно.

Жду «Полярной звезды» на адрес «Athenaeum».

¹ Письмо написано на печатном бланке редакции «Athenaeum français».

² «Емеля Пугачев» и «Видения св. Кондратия» — не совсем точные названия прокламаций В. А. Энгельсона, напечатанных в «Вольной русской типографии» в течение января—апреля 1854 г. Прокламации были проникнуты пораженческими настроениями, доведенными до нелепых и авантюристических выводов. Энгельсон призывал русских солдат встречать войска противника не как врагов, а «как помощников... для низвержения с ваших плеч гнета царя и чиновников его».

³ Ни во второй книге «Полярной звезды», ни в последующих ее книгах статей Сазонова о Польше не оказалось. Никаких упоминаний об этих статьях нет и в переписке Герцена. Вероятнее всего, Сазонов не написал статьи и обещанного разбора книг о Польше, как не завершал он и многих других своих начинаний. Сазонов, повидимому, собиравший писать о появившейся в 1855 г. работе польского публициста умеренно-либерального направления Р. Рачинского — «La justice et la monarchie populaire, par le comte R. R. Première partie. La guerre d'Orient». Paris, 1855, и о книге Л. Мерославского — «Poland, Russia and the Western Powers». Newcastle, 1855. В этих книгах проповедовались шляхетские великодержавно-националистические идеи. Вопреки решению Централизации Польского демократического общества Мерославский во время Крымской войны призывал к созданию польских легионов в соста-

ве турецкой армии, развивал бредовые планы вторжения англо-французских войск в Россию через Польшу и требовал, чтобы Россия была отгеснена от берегов Черного и Балтийского морей.

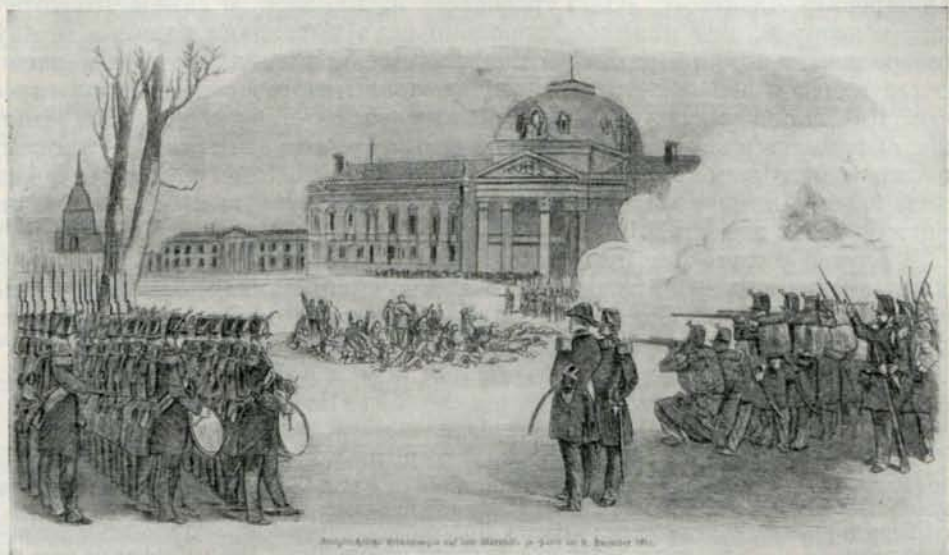
⁴ «*Athenaeum français*» — журнал, издававшийся в Париже при участии Сазонова.

⁵ О Карле-Роберте *Linnerts* см. в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 479—481. О близости Липперта к петрашевцам сведений в литературе не имеется.

⁶ Сазонов говорит здесь о пожаре, уничтожившем 15 июня 1855 г. бумажную фабрику, принадлежавшую Огареву.

⁷ Вероятно, Сазонов имеет в виду стихотворение Огарева «1849 год», вызванное крушением революции 1848 г. и реакцией, охватившей Европу (см. Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. М.—Л., 1937, стр. 157—158).

⁸ «Юмор» — поэма Огарева. Впервые была напечатана (анонимно) отдельной книгой в 1857 г. в Лондоне.

БОНАПАРТИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 г. ВО ФРАНЦИИ.

РАССТРЕЛ РЕПУБЛИКАНЦЕВ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ В ПАРИЖЕ 8 ДЕКАБРЯ

«То, что не удалось революционерам 15 мая, белым днем, во имя свободы,¹ то удалось Людовику-Наполеону и полицейским сыщикам темной ночью, во имя насилия.² Республика пала, зарезанная по-американски, по-разбойничьи, обманом, из-за угла» («Письма из Франции и Италии»). Письмо четырнадцатое, 31 декабря 1851 г.)

«*Illustrierte Zeitung*», № 445 от 10 января 1852 г.

10

(Париж. Начало мая 1860 г.)³

(...)* и заведшего против нас сильную интригу в министерстве), но Головин перед Долгоруким — золото, а ты решился Долгорукого поддерживать! Да ведь его книга — не книга, а памятная записка о людях, которые ему угождали или которые его презирали. Он превозносит гений шарлатана и подлеца Уварова, *честность* Тимашева и тому подобных и ругает многих почтенных людей. Всё по одной только личности. А конституционный бред его! Избави боже. И этот барин пишет *правду о России*. Да в одном номере «Колокола» ее больше, чем на его четырехстах страницах. А не называет он людей по именам нисколько не из снисхождения, а из трусости². Он обругал генерала Толстова вором, а когда тот потребовал удовлетворения, то он отрекся совершенно от своего обвинения и уверял, что в голове не имел намерения обидеть этого Толстова. Между тем нельзя сомневаться, что он именно этого разумел.

* Начало письма не сохранилось. — *Ред.*

Вот тебе человек. Опять не подумай, что тут личность: он со мной был, напротив, очень любезен, и я даже жалел, что не мог пощадить его более, нежели на деле пощадил. (У него множество промахов, именно головинских и которые бы всю публику рассмешили.) По правде сказать, я боюсь, чтобы он (Долгорукий), прочитавши твой о нем отзыв, не причислил тебя к лику тех великих людей, которых он прославлял недавно в письме к «Русскому вестнику». Все: Кавур, Форини, Рикасоли, Пеполи, Мокар, Наполеон и проч.³

Еще слово о деле: дай мне только авторизацию получить — ты увидишь, как я поведу журнал⁴. Впрочем, если ты статьяи о крестьянах⁵ недоволен, то обращай внимание твое на статью: «Une soirée russe»⁶, «О царевиче Алексее»⁷, «О Тургеневе»⁸ и, наконец, о самом Долгоруком, в которой, мне кажется, довольно ясно высказана разница между либеральными аристократами и настоящими радикалами⁹. Я бы очень желал всегда в важных случаях соглашаться наперед с тобой и с Огаревым. Как скоро мы получим разрешение, то кто-нибудь из нас (Рюмин или я) придет в Лондон с вами повидаться. Рассказать есть о многом; мы также получаем немалое количество сведений о России. Недавно был у нас барон Данилевский, который рассказывал кучу интересного, но он и к тебе хотел заехать¹⁰.

В случае удачи, т. е. авторизации, вы нам можете помочь и лондонскими сношениями. Жеребцов, о котором я спрашивал, — автор «Civiliation en Russie»¹¹. Он к тебе питает симпатию и просил у меня твоего адреса. С ним поговорить интересно, знает много Россию.

Поклон тебе и Огареву.

Н. С а з о н о в

¹ Дата определяется содержанием письма.

² Речь идет об отзыве Герцена на книгу П. В. Долгорукова «La vérité sur la Russie» (Paris, 1860), помещенном в «Колоколе», л. 70 от 1 мая 1860 г. В книге Долгорукова большинство собственных имен скрыто под инициалами.

Герцен писал в своем отзыве: «Князь Долгоруков хорошо делает, что печатает по-французски (...). Но зачем же автор лишил своих героев имен? Мы любим их во всей их конкретности, с их именем и отчеством, с их волом и ослом, с их чином, ростом, кавалериями, фамилией и Тошильским. Помилуйте, чего их жалеть!» (X, 301).

³ Сазонов имеет в виду статью Долгорукова «Из Парижа», помещенную в № 1 «Русского вестника» за 1860 г. В этой статье Долгоруков описывал свою поездку в Италию и встречи с разными итальянскими деятелями.

⁴ Речь идет о «Gazette du Nord», характеристику которой см. во вводной статье.

⁵ Сазонов имеет в виду цикл своих статей «De l'émancipation des serfs en Russie», печатавшихся в «Gazette du Nord» за его подписью (№ 13 от 31 декабря 1859 г. и №№ 1, 3, 4, 7, 9 от 7, 21, 28 января, 18 февраля и 3 марта 1860 г.). Об этом публицистическом цикле Сазонова см. вводную статью.

⁶ Статья Сазонова «A propos d'une soirée russe à Paris» («Gazette du Nord», № 12 от 24 декабря 1859 г.) была посвящена инциденту, происшедшему с ним во время благотворительного вечера 17 декабря 1859 г. в пользу нуждающихся русских в Париже. Организатор этого вечера, французский журналист Ferri de Pigny (другим организатором был священник русского посольства в Париже, агент III Отделения Васильев), пригласил Сазонова выступить на вечере, но в последний момент выступление было отменено неким лицом, повидимому служащим русского посольства, заявившим, что выступление Сазонова, человека, «проникнутого революционными тенденциями и неспособного произнести иную речь, кроме политической», нежелательно. В своей статье Сазонов выражал возмущение тем, что его заподозрили в намерении произнести политическую речь на благотворительном вечере, «где большинство должны были составлять дамы», и излагал содержание предполагавшегося выступления. Центральной темой было восхваление предстоящей отмены крепостного права и благородных намерений царя и дворян. В своей статье Сазонов по сути дела отрекался от звания революционера. Он пугался в двусмысленные рассуждения о том, что революционерами были все, кто возмещал какую-либо истину раньше, чем ее стали признавать массы, — Декарт и Лейбниц, Ньютон и Петр Великий, — и кончил следующим изложением характера своей революционности (manière d'être révolutionnaire): «Я предпочитаю, конечно, свободу — рабству, право — произволу, законный порядок — личному капризу, прогресс — застою, науку — предрассудкам; короче говоря, я предпочитаю Александра II — Ивану IV. Вот в каком смысле я революционер». Таким образом, данная статья

Сазонова, как и все обстоятельства его участия в благотворительном вечере под покровительством царского посольства в Париже, были выразительным свидетельством отречения Сазонова от революционного прошлого, превращения его в либерала.

⁷ Статья Сазонова «La Russie ancienne et la Russie moderne» («Gazette du Nord», № 15 от 14 апреля 1860 г.) была написана по поводу выхода в свет IV тома работы Устрялова «История Петра Великого»; в статье были подвергнуты разбору материалы о суде над царевичем Алексеем, содержащиеся в «Истории».

⁸ Статья Сазонова о И. С. Тургеневе была напечатана в «Gazette du Nord», № 13 от 31 марта 1860 г. (за подписью S.S.D.R.). См. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 188—194.

⁹ Сазонов ссылается на свою статью «La vérité sur la Russie, par le prince Pierre Dolgoroukow», опубликованную в «Gazette du Nord», № 16 от 21 апреля 1860 г. Сазонов упрекал Долгорукова в том, что он выпустил поверхностную, несерьезную работу о России в такое время, когда страна переживает «момент серьезной и глубокой революции». Автор, по утверждению Сазонова, заполнил свою книгу анекдотами и утопическими проектами и едва коснулся двух самых крупных зол русской жизни — крепостничества и системы народного образования. Сазонов указывал в своей статье, что Долгоруков мотивирует освобождение крестьян лишь «государственными интересами», обходя то обстоятельство, что немедленное освобождение крестьян является «условием, предписываемым российской империи необходимостью ее сохранения»; лондонский «Колокол», указывая в своей статье Сазонов, опубликовал достаточно много фактов такого рода. В этих упреках по адресу Долгорукова Сазонов усматривал радикализм своей позиции.

Другим свидетельством своего радикализма Сазонов, как видно, считал упреки Долгорукову по поводу того, что тот обходит вопрос о связи между бюрократией и крепостниками-помещиками. «Бюрократия, значение которой в русской жизни вы преувеличиваете, — писал Сазонов в своей статье, — заимствовала самые мерзкие свои злоупотребления у рабства... и она не сможет пережить его уничтожения».

Однако ни ссылка на «Колокол», ни нападки на крепостничество еще не доказывали, что статья Сазонова вскрыла «разницу между либеральными аристократами и настоящими радикалами». «Радикальные» идеи этой статьи не выходили из рамок позиции либерального помещика. Сазонов порицал Долгорукова за комплименты и похвалы по адресу графа Уварова, но возмущался тем, что Долгоруков называет реакционерами генерала Я. Ростовцева и членов его комитета по крестьянским делам и не признает «заслуг покойного генерала», чем обнаруживает якобы «отсутствие чувства справедливости и серьезной привязанности к благу своей страны». Защищая, в этой косвенной форме, крепостнические проекты Главного комитета по крестьянским делам, Сазонов вместе с тем, как указывалось во вводной статье, отвергал выдвинутое в книге Долгорукова требование конституции и фактически объявлял Россию не созревшей для этого требования. В заключение Сазонов сменял критический тон на хвалебный, рекомендовал читателю некоторые «превосходные» места из книги Долгорукова и уверял, что если бы Долгоруков серьезно поработал над собранными им материалами и документами «в свете тех теорий и новых исследований, которые ежедневно проводятся в нашей стране с тех пор, как император Александр открыл эру свободы», — он оказал бы большую услугу России. Такой вывод начисто стирал следы «разницы» между либеральным аристократом и радикалом, на определение которой ссылался Сазонов в этом письме к Герцену.

¹⁰ Вероятно, речь идет о писателе Г. П. Данилевском, к этому времени уже приехавшем в Лондон. См. письмо к нему Герцена от 1 мая 1860 г. (X, 302). Непонятно, однако, почему Сазонов титулет Данилевского «бароном».

¹¹ Николай Арсеньевич Жеребцов (1807—1868) — реакционный публицист, впоследствии виленский губернатор; автор ретроградной книги «История цивилизации в России», вышедшей в 1858 г. в Париже на французском языке и вызвавшей две критические статьи Добролюбова. Сазонов же в своих статьях «Об освобождении крепостных в России» часто ссылался на эту книгу в самом положительном смысле.